

После окончания театрального сезона артисты труппы Московского Художественного академического театра во главе с Константином Сергеевичем Станиславским приехали погостить в Михайловку — родовое имение известной в России династии Стаховичей. Владельцем его был Александр Александрович Стахович — Тайный советник, Шталмейстер Двора Его Императорского Величества.

Один из его сыновей, Алексей Александрович, и пригласил своих коллег подышать свежестью первозданной природы, послушать нежный шепот деревьев, полюбоваться десятками экзотических кустарников барского парка на берегах живописной, с родниковой водой, реки Пальна.

Для этого был важный повод. Сын хозяина усадьбы, когда ему перевалило за пятьдесят лет, поступил на сцену известного и знаменитого далеко за пределами России театра.

Это редчайший, если не единственный, случай в российской театральной истории. Алексей Стахович пришел на сцену после того, как вышел в отставку в чине генерал-майора. С юных лет его жизнь была связана с армией. В двадцать два года окончил Николаевское кавалерийское училище. Слыл блестящим офицером, красавцем. Являлся адъютантом Великого князя Сергея Александровича. После поражения России в Японской войне решил оставить воинскую службу.

На судьбу генерала в отставке повлияла его дружба с Алексеевым-Станиславским. Константин Сергеевич, известный в основном по фамилии Станиславский, создал в 1898 году вместе с Немировичем-Данченко Московский Художественный академический театр. Он-то и предложил своему другу после военной карьеры попробовать силы на... сцене и исполнить первую в своей жизни роль князя Абрезкова в «Живом трупе». Его типаж, по мнению Станиславского, уж очень по внешним данным, темпераменту подходил для этого героя пьесы. Дебют оказался удачным.

Потом он уже в основном составе МХАТа играл Репетилова в «Горе от ума», Степана Трофимовича в «Бесах»...

Это событие и решила отметить группа театра в живописном уголке российской глубинки — Елецком уезде Орловской губернии.

Был и еще один повод, почему не мог отказаться от любезного приглашения Стаховича к тому времени очень известный руководитель театра и основоположник сценического реализма, получившего впоследствии название системы Станиславского. В 1906 году художественный театр из-за труднейшего финансового положения оказался на грани закрытия. Тогда своему другу и пришел на помощь Алексей Александрович. Он упросил отца — известного российского коннозаводчика и крупного землевладельца, страстного любителя и знатока театра, более пятидесяти лет дружившего с Л. Н. Толстым — выделить крупную сумму денег, чтобы покрыть издержки МХАТа и спасти его от бесславного конца. Это еще больше сблизило Станиславского и Стаховича.

Актеров пальновская земля встретила радушно...

* * *

Среди гостей Стаховича была и актриса театра Мария Николаевна Германова — женщина необыкновенного таланта, но своеобразной актерской философии. Она от души восторгалась барской усадьбой. Имение ей показалось громадным, с конным и кирпичным заводами, больницей и школой, родильным приютом и школой кустарных кружев, маслобойней и ткацкой мастерской. Ее удивило, что все тут было заведено очень широко, элегантно и богато.

Но больше всего ее очаровал парк — большой и старинный, с которым знакомил Марию Николаевну и Константина Сергеевича Стахович младший. Каждое дерево, каждый цветок, аллея или просто тропинка казались Германовой дивными, сказочными. Среди вековых деревьев есть, казалось, какая-то таинственность, загадочность, притаившееся диво. Вдоль идеально ухоженных дорожек стояли замшелые каменные скамейки и белые статуи греческих богов и богинь. Парк по крутому склону спускался к речке. К ней также вела аллея, в конце которой, к своему очередному удивлению и восхищению, Мария Николаевна увидела на высоком постаменте бюст Пушкина. На серо-красном граните было высечено обращение Старики к Алеко из поэмы «Цыганы»:

*«К чему? Вольнее птицы младость;
Что в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь».*

— Любезный, Алексей Александрович, в честь чего здесь присутствует Александр Сергеевич?

— О! Мария Николаевна, этому послужил счастливо-трепетный случай в жизни бабушки и дедушки. И он произошел в начале мая 1829 года. По крайней мере, так моему отцу рассказывал его папенька Александр Иванович...

— Очень любопытно! — проявил интерес и Константин Сергеевич.

— Алексей Александрович, откройте нам завесу той истории! — сгорала от нетерпения Германова. В ее глазах, казалось, ярче, чем на небе, искрилось солнце. Пушкин был ее кумиром, и любой, даже незначительный, доселе неизвестный ей штришок его жизни вызывал у нее неподдельно жгучий интерес.

Село, которое получило первоначальное название от реки Пальна, было родовой вотчиной столбовых дворян Перваго. Знатный в России род возник от первого конюшего Великого князя Василия Темного. Видимо, и фамилия Перваго пошла от этого — «первого конюшего».

Имение по тем временам считалось одним из крупнейших не только в Орловской губернии. Оно насчитывало более трех тысяч десятин земли и делилось рекой Пальна примерно на две равные части.

В екатерининские времена Василий Осипович Перваго завещал старшему сыну Михаилу правобережную часть имения, получившую затем название по имени наследника — Михайловка. Левая часть досталась бездетному младшему сыну Алексею. Эта уже стала называться, естественно, Алексеевкой.

У Михаила Васильевича была красавица дочь Надежда. Она получила великолепное образование и воспитание, живо интересовалась поэзией Жуковского. А потом зачитывалась стихами Пушкина. От его таланта она была в восторге.

Когда Надежда Михайловна вышла в 1819 году замуж за полтавского помещика и артиллерии капитана Александра Ивановича Стаховича, отец ей подарил Михайловку, которая и стала почти на столетие родовым гнездом Стаховичей.

С замужеством и рождением двух сыновей и дочки интерес к поэзии Пушкина почему-то вспыхнул с большей силой. Хорошим знатоком литературы, особенно польской, был и ее муж Александр Иванович. Это и не удивительно, ведь его родовые корни польского происхождения. А уж когда женился, полностью разделял увлечение жены творчеством Александра Сергеевича.

Этот экскурс в историю своего рода Алексей Александрович для Станиславского и Германовой сделал не случайно перед тем, как объяснить появление в их парке бюста поэта.

— До дедушки и бабушки дошла весть, что Пушкин проездом из Москвы на Кавказ, куда его отправляли в ссылку, должен остановиться в Ельце. Так это и произошло. Александра Сергеевича довольно прохладно приняли на постоялом дворе в доме № 20 на углу улиц Орловской и Рождественской, все же ссыльный тот был. Поэту, как позже поделился он впечатлением о Ельце с моими предками, кроме великолепия многочисленных церквей и собора, больше ничего в уездном городе не понравилось. Настроение черными тучами в его душе клубилось.

Наступил последний месяц весны. Но еще не зацвели яблоневые и вишневые сады. На улицах города грязно, неуютно. Александру Сергеевичу хотелось быстрее покинуть этот городишко, хотя и на Кавказ особого желания торопиться не возникало.

В этот момент и осмелились пригласить в свое имение поэта супруги Стаховичи. Они, если Пушкин окажет им честь, прислали за ним в Елец самую лучшую тройку породистых лошадей, запряженных в бричку — легкую, с плетеным кузовом, кожаным верхом и внутри обитую красной тонкой кожей.

Душевная хандра, отвратительное настроение ссыльного поэта, видимо, и повлияли на то, что он не отказал любезному приглашению елецких помещиков.

3

Дом Стаховичей, который построен в начале восемнадцатого века, Александра Сергеевича особо ничем не заинтересовал. Да и возведение его было не завершено, а как потом выяснилось, особняк и не собирались достраивать.

Дело в том, что проездом из Москвы на Юг обещалась заехать к Василию Осиповичу Перваго императрица Екатерина I. Большак — дорога из столицы на Кавказ — проходил в четырех верстах от барской усадьбы и по землям имения Перваго — через Трегубово на Елец. Столбовой дворянин и решил выстроить дом специально для царствующей особы и ее пышного приема. Но та по каким-то причинам изменила свой маршрут и не заехала в Пальну. Василий Осипович с расстройством забросил стройку.

А вот парком Пушкин был восхищен. Александр Иванович показал ему скрытую небольшую пустыньку, или так называемую «меланхолическую сцену». Она была

окружена густым лесом. Здесь иногда уединялась хозяйка усадьбы с томиком Жуковского, а в последнее время чаще всего со стихами Пушкина.

— У Вас же тут, Александр Иванович, первородная Россия! — воскликнул поэт.

— Но Вы, Александр Сергеевич, не видели еще всего нашего парка, — был доволен Стахович, что на его знаменитого гостя оказала такое впечатление местная природа.

Хозяин и гость пробрались сквозь чащобу парковых насаждений и оказались на лужайке, которая простиралась до правого берега реки. От земли, украшенной первой зеленой майской щетиной травы, струился легкий, почти прозрачный парок, настоянный на свежести и сладком аромате прибрежных и разбуженных весной трав.

А левый берег Пальны был высокий и крутой. Он порос непроходимым, начинающим светло-зелено дымиться, кустарником, над покровом которого контрастно возвышались свечи тополей и мощные, пока без листвы, ветви дубов.

Складывалось впечатление, что крутые черные склоны бережно охраняли спокойное течение небольшой речки, в зеркальной глади которой отражались косы ивняка и постоянно меняющиеся картинки проплывающих на повеселевшем от яркого солнца небе причудливых облаков.

Подавали голоса одни из первых певчих перелетных птиц в этих краях — жаворонки. В зарослях кустов и деревьев давали знать о своем прилете трелями и цоканьем пока «холостяки» соловьи.

От свежести, чистоты дыхания природы у гостя чуть кружилась голова. Он глубоко дышал, запрокинув курчавую голову и закрыв глаза. Казалось, его беспокойная и истерзанная за последнее время душа обретала легкие и широкие крылья...

...Он не переставал любоваться парком.

— У Вас, Александр Иванович, в парке такой интерьер, словно его создавал не садовник, а художник, — у Пушкина глаза впервые за последние дни посветлели.

— Только с небольшим уточнением, Александр Сергеевич, — расцвело улыбкой лицо Стаховича. — Наш садовод рисует не красками, как художник, а живыми деревьями, кустарниками и цветами...

И это было не красным словцом хозяйна усадьбы. В парке деревья подрезаны и выращены так, что они походили на вазы, бокалы, пирамиды.

Александр Иванович добавил:

— У нас садовод не просто художник — он архитектор, он угадывает образ, который не создала по каким-то причинам сама природа. Лично я здесь вижу и контрасты, и естественную красоту, и в какой-то степени философию...

Пушкин посмотрел на Стаховича глазами, полными света и удивления:

— Александр Иванович, а вы не пробовали писать стихи?

Тот ответил шуткой:

— Писать так, как Вы, я не смогу, а сочинять плохо — людей смешить не хочу.

Александр Сергеевич заразительно захохотал.

Весело беседуя, господа незаметно возвратились к дому с парковой стороны.

Пушкин неожиданно для Стаховича остановился и замер. Он смотрел на дуб, который рос рядом с домом. Дереву было наверняка более ста лет. Его ствол нельзя измерить одним мужским обхватом. А мощные ответвления дерева... прикованы цепями к обручам на главном стволе.

— Какой великан!

— Этот дуб посадил Василий Осипович Перваго — дедушка Надежды Михайловны.

— А почему он в таком убранстве цепей? — удивление не покидало поэта.

— В него попала молния и расщепила его. А это первое дерево, которое посадил родоначальник усадьбы Василий Осипович, и оно являлось для него и сейчас считается для нас своеобразным талисманом крепости родовых корней и одновременно, по

русскому поверью, символом гостеприимства. Чтобы его сохранить, и решил батюшка Надежды Михайловны «заковать» раненое дерево в цепи...

Дуб на Пушкина произвел какое-то таинственное впечатление. Вполне возможно, что именно тогда у Александра Сергеевича зародились строчки:

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

Поэт долго сидел под ним, о чем-то думал, а, может, сравнивал свою жизнь с этим расщепленным деревом. Он так же прикован «цепями обстоятельств» к той судьбе, на которую обрекли его столичные власти и завистники. И ссылка на Кавказ — незримые цепи на его свободе и вольнолюбивой душе...

...Но возвращался Пушкин из Пальны в Елец таким, будто в его настроении солнечные зайчики плясали.

В тот же день зритель докладывал голове города Ельца, что как-то странно выглядел «столичный стихоплет».

Блюститель порядка спросил у Александра Сергеевича:

— Неужели, Ваше сиятельство, клад изволили найти, что так сияете?

— Клад не нашел, а богаче стал, — ответил загадочно весело Пушкин.

— Это как же прикажите вас понимать? — допытывался слишком подозрительный зритель.

— Очень просто. Познакомился со Стаховичами. Замечательные, скажу вам, люди...

...Алексей Александрович на какое-то мгновение прервал свой рассказ о тех событиях. Смотрел то на Станиславского, то на Германову. Они с таким интересом слушали Стаховича, что вроде бы перестали дышать. Но темперамент и необузданная женская любознательность взяли верх над Марией Николаевной.

— Но мы в Вашей усадьбе, Алексей Александрович, никакого дуба с цепями не заметили?

— И не могли.

— Почему?!

— Он сгорел в злополучные события 1905 года. В губернии, в том числе и в нашей усадьбе, произошли известные на всю Россию волнения. Обезумевшие крестьяне поджигали барские дома. Языки пламени коснулись и нашего особняка. А тот дуб рос в нескольких метрах от него. Пострадал сильно дом, а дуб превратился в пепел. Вот такая трагедия подстерегла того великана. Дом-то мы быстро восстановили, а пепел от дуба разнесли по округе ветры. Но в усадьбе есть дуб, который тогда посадил сам Пушкин. Предусмотрительный был Александр Сергеевич — прикопал дубовый саженец метрах в пятидесяти от дома. Ему уже исполнилось восемьдесят лет, он по своему великолепию и росту догоняет тот — с цепями. Я его вам обязательно покажу...

— А как и когда здесь бюст появился? — вновь задала вопрос Германова.

Стахович улыбнулся:

— Я еще, любезная Мария Николаевна, не все про расщепленный дуб сказал.

— Извините меня, Алексей Александрович, за переполняющее душу любопытство.

— Да полноте Вам извиняться, Мария Николаевна.

Станиславский опустил голову и почему-то слегка ухмыльнулся. А Стахович продолжил вспоминать то, что ему рассказывали его родители.

— Мои дедушка и бабушка, потом и родители утверждали, что только наш пальмовский дуб навеял поэту сюжет дивного стихотворения «У лукоморья», но это была всего лишь их красивая и желанная легенда. Пушкин написал то стихотворение за

четыре года до посещения моих предков. Но совершенно точно то, что Александр Иванович и Надежда Михайловна в память о пребывании в их усадьбе Великого Поэта поставили в начале сороковых годов вот этот — первый в России — бронзовый бюст. После смерти Александра Сергеевича официальные власти более двадцати лет «считали нежелательным» увековечение его в бюстах или памятниках не только в двух российских столицах, но и в губернских центрах. Потому пальновский бюст Пушкину долгие годы был еще и единственным в России. Я удовлетворил Ваше любопытство, Мария Николаевна?

— О! Да! — поспешила та с ответом.— Хотя мне непонятно, почему на постаменте высечены вот эти строчки и особенно нижняя из них: «Что было, то не будет вновь»?

— Этого не знаю. Но, скорее всего, это какая-то загадка Пушкина или моих предков...

Своя реакция на услышанный рассказ была у Станиславского. Он молчал какое-то время, изящным движением среднего пальца левой руки поправил пенсне, потом в задумчивости произнес:

— Более семидесяти лет нет в живых Александра Сергеевича, а мы и по сей день не можем отгадать его многие загадки...

— Что Вы имеете в виду, Константин Сергеевич? — любопытству Германовой вряд ли был предел.

— Я по долгу своей деятельности и просто дружу со многими современными писателями и поэтами. И вот один из них рассказал мне совсем недавно удивительную историю, связанную с именем Пушкина...

— Константин Сергеевич, я надеюсь, Вы ее от нас не утаите?

— Да разве можно что-то утаить от такой женщины, как Вы, Мария Николаевна? — этот большой, с густой взлохмаченной сединой на голове, человек излучал доброту и какое-то особое тепло.

Та в ответ только одарила мужчин очаровательной улыбкой.

4

— Я не могу отвечать за точность деталей той истории, расскажу так, как мне ее преподнес мой знакомый литератор,— Станиславский вроде бы извинялся,— может, это всего лишь удивительная легенда...

...Княгиня Елизавета Воронцова — жена наместника Кавказа генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова — была очарована не только творчеством Пушкина. Во время ссылки Александра Сергеевича на Кавказ их отношения переросли в близкие.

Когда настало время поэту покидать Кавказ и ее горячие объятия, она подарила ему перстень. На его внутренней стороне имелась гравировка из трех слов.

— Душа моя Лизонька, что означает сие выражение?

На глазах Воронцовой янтарной росой выпали слезы. Казалось, тоску разлуки ничем невозможно было измерить.

— Ни один российский знаток иероглифов мое любопытство не удовлетворил,— огорченно вымолвила она.

— Но откуда тогда появился этот дорогой перстень с загадочной гравировкой? — интерес у Александра Сергеевича возрастал.

— Его подарили моему мужу, когда он участвовал в турецкой кампании, а он мне...

— Но мне неудобно принимать такой подарок,— искренне говорил возлюбленный княгини.

— Не разбивайте на осколки мою душу, Александр Сергеевич, она и без того черная. А эти иероглифы пусть будут всегда напоминанием Вам обо мне и моем лю-

бщем сердце. Считайте эти непонятные знаки на перстне моим заклинанием вечной любви к Вам и Вашему безмерному таланту...

Расставание для обоих было тягостным. Но Пушкин все же принял подарок Воронцовой...

...Снял с трудом тот перстень Александр Сергеевич с пальца перед самой смертью после дуэли. У постели умирающего поэта неотлучно был его друг — писатель, этнограф и языковед Даль.

— Владимир Иванович, у меня к тебе будет просьба,— с трудом говорил Пушкин,— прими от меня вот этот перстень. Его мне подарила замечательная женщина. Она заклинала мне любовь. Я хочу, чтобы ты как языковед перевел то, что там выгравировано на внутренней стороне. Не получится это у тебя, пусть тогда те иероглифы будут моим заклинанием нашей вечной дружбы...

Он больше ничего не смог сказать своему другу. Силы его покидали. Так Владимир Иванович стал обладателем самого дорогого для него подарка.

Но как ни старался Даль перевести, что было написано на перстне, так и не смог. Не помогли ему и российские специалисты по иероглифам, к которым он обращался.

Умирая в 1872 году, он попросил, чтобы пригласили к нему его близкого друга Тургенева, который к тому времени был известен своим творчеством не только в российских, но и европейских писательских и светских кругах. Даль очень высоко ценил его романы «Накануне», «Отцы и дети», успел прочитать последнюю его повесть «Вешние воды».

Тургенев незамедлительно к нему прибыл.

— Иван Сергеевич, перед смертью...

— Да что Вы, Владимир Иванович, говорите такое? Мы еще с Вами повоюем на писательской ниве,— попробовал пошутить Тургенев.

— В Вас я, дорогой друг, не сомневаюсь, что Вы покорите не одну самую высокую творческую вершину. А вот для меня они уже только призрак. Но я не за этим попросил Вас приехать ко мне,— Дало явно было трудно говорить.

— Внимательно слушаю Вас, Владимир Иванович,— Тургенев видел, что, как ни прискорбно, дни его друга сочтены.

— Вот этот перстень принадлежал Великому Поэту современности Пушкину до его смерти. Он подарил его мне. Умирая, я хочу передать его Вам — Великому Писателю...

— Но это Вы, Владимир Иванович, незаслуженно так высоко меня поднимаете на вершину Парнаса,— покраснел Тургенев.

— Поверьте, Иван Сергеевич, я что-то в литературе понимаю. Потому примите мой подарок...

Тургенев не мог отказать ему в предсмертной просьбе.

...Иван Сергеевич последние годы своей жизни провел во Франции. И его попытки узнать, что начертано на перстне, тоже не увенчались успехом.

Это смогла сделать только Мишель Полина Виардо-Гарсиа. Певица, испанка по происхождению, в основном выступала в Париже, но гастролировала и в других городах Европы.

В 1843 году ее меццо-сопрано звучало в Петербурге. Тогда-то и услышал ее начинающий поэт, автор поэмы «Параша» Иван Тургенев. В его душе воспламенился к этой женщине огонь платонической страсти, который не угасал сорок лет — до самой смерти. Но она уже была замужем. Ну и что? Он же не добивался ее плотской любви? О его «странном» чувстве к жене знал муж Полины Поль Виардо, но это не мешало ему дружить с Тургеневым. Иван Сергеевич подолгу жил в их доме, ездил вместе с супружеской четой на гастроли певицы...

Он умирал в местечке Буживаль под Парижем в августе 1883 года.

Рядом с ним находилась Полина Виардо. Она его любила такую же любовью, какой он любил ее. Их чувства были прозрачными, чистыми, никем до конца так и не разгаданными.

— Полина, Вы знаете, что на этом свете не было у меня человека дороже Вас. Потому я хочу сделать последний в своей жизни подарок — вот этот перстень. Он когда-то принадлежал Пушкину. Его ему подарила Елизавета Воронцова, которая унесла любовь к Александру Сергеевичу с собой в могилу. На этом перстне есть иероглифы, которые Воронцова считала своим заклинанием безмерной любви к Пушкину. Пусть они будут заклинанием и моей любви к Вам...

В ответ на ее глазах появились капельки влаги...

...Во Франции, уже после смерти Тургенева, она все же отыскала знатока языков — араба по происхождению. Тот смог расшифровать, как она ему сказала, «заклинание». Когда он это сделал, заулыбался и глубоко удивил Мишель Полину:

— Мадам, никакого заклинания на Вашем перстне нет.

— Как?

— Очень просто! На нем выгравировано имя его хозяина — арабского султана, только и всего...

Но тот перстень после этого не потерял свою ценность для Виардо. Для нее он был самым дорогим, бесценным напоминанием чуда, которое люди загадочно называют «платоническая любовь».

А в начале двадцатого века восьмидесятилетняя Полина Виардо все же решила с ним... расстаться. Она его передала в Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии Наук, завещая:

— Этот перстень когда-то принадлежал знаменитым российским поэтам и писателям. Я хочу, чтобы он был наградой лучшему литератору России.

В Отделении русского языка и словесности развернулись горячие споры: кому вручить награду — перстень? В основном на него было два претендента — Лев Николаевич Толстой и Иван Алексеевич Бунин. Говорили, что по этому поводу началась грязная закулисная борьба. Кампанию в поддержку Бунина возглавил его старший брат, известный столичный журналист Юлиан Алексеевич.

Братья Бунины все же смогли склонить чашу весов в свою пользу. Тем более в 1909 году Ивана Алексеевича избрали академиком Петербургской Академии Наук. И награждение его перстнем приурочили к тому событию...

...Станиславский сделал паузу в своем рассказе. На его крупном лице появилась широкая и лучезарная улыбка.

— Посчастливилось же Бунину обладать такой наградой! — подала голос Германова.

Константин Сергеевич не сдержался, засмеялся.

— Я что-то сказала смешного? — растерялась Мария Николаевна.

— Извините ради бога, голубушка, — почувствовал неловкость Станиславский, но улыбку с лица не стер. — Украли тот перстень!

— Как? — почти одновременно воскликнули и Германова, и Стахович.

— Накануне вручения перстня Бунину его похитили, и, как меня уверял мой знакомый литератор, его судьба по сей день неизвестна...

— Каков Пушкин?! — загадочно и задумчиво произнесла Мария Николаевна.

— А при чем тут Пушкин? — не понял ее Стахович.

— А Вы, Алексей Александрович, прочитайте нижнюю строчку на постаменте.

Тот незамедлительно пробежал глазами по отрывку из поэмы Пушкина, который почему-то решили увековечить на постаменте его дедушка и бабушка. Взгляд замер на нижней строке:

«Что было, то не будет вновь»...

В годы гражданской войны в России Германова эмигрировала во Францию. Блистательная актриса, известный в эмигрантских кругах режиссер, очаровательная женщина на удивление всем своим друзьям, воздыхателям по ней начала проповедовать в искусстве, а позднее и жизни... одиночество. Была глубоко уверена, что оно — великая вещь. Но, когда одиночество перестает быть аскетичным, оно становится волей вольной или гибельной свободой, особенно когда отгораживается от всего земного благополучием. Зато, когда одиночество становится трудным, оно поднимает душу. А с успехом и деньгами оно может стать гангреной эгоизма.

Иногда, правда, начинала ее душа метаться, тосковать о простой жизни, о семье. Но она так и не смогла жить простой жизнью, разучилась там — за границей — ладить с людьми. Жила поспешно, суетливо, хлопотно, утомительно, как будто репетировала какую-то неподходящую для себя роль. Но в стараниях найти верный тон своей жизни Германова все время переигрывала, металась из одной крайности в другую.

Только в 1940 году, перед самой смертью, Мария Николаевна в своих, написанных и изданных в Париже, воспоминаниях признается, почему спутником своей жизни она избрала одиночество. Ей не хватало матери, подруги, самого любимого — России! За граница же была для нее мачехой, а она Золушкой на балу чуждой для нее жизни...

«Что было, то не будет вновь» — часто она вспоминала строчку, выбитую на гранитном постаменте бюста Пушкина в парке Стаховичей.

«Боже мой, как это было давно и как близко и трепетно для моей души...», — писала она.

В ее воображении все чаще в последние годы жизни всплывали чудные мгновения, когда она уходила одна из особняка Стаховича, спускалась по аллее к реке, к нему — Пушкину. Присаживалась на скамеечку напротив бюста, мечтала, думала о своих необъятных творческих планах после блистательно сыгранной ею роли Грушеньки в «Братьях Карамазовых», о неземной любви, да мало ли чего такого рисовала тогда ее кипучая фантазия.

И вот она оказалась вдалеке от тех мест. С ней произошло какое-то чудо — она болезненно влюбилась в... образ Пушкина, столетие со дня его гибели считала чуть ли не своей личной трагедией, ежегодно со свечами, богатым столом отмечала день рождения Александра Сергеевича как самый великий праздник в жизни. Германова читала и перечитывала каждую его строчку. Вспоминала слова, когда-то сказанные Станиславским, что Пушкин многим поколениям оставил множество загадок. В этом теперь и она была глубоко убеждена.

Иначе чем объяснить то, что, когда она читала в парижской квартире его стихи, чувствовала запах воздуха России, ее земли. Она вроде бы видела в парке Стаховичей солнечные пятна на узенькой, песчаной парковой дорожке, ведущей к бюсту ее возлюбленного. Нет, нет, Мария Николаевна представляла себе не холодный бронзовый лик Пушкина на берегу речки, а что она вместе с Александром Сергеевичем идет по пальновской аллее и он читает ей стихи.

К ней почти через тридцать лет, как наяву, приходило в воспоминаниях то лето 1910 года, когда она в последний раз приезжала вместе с труппой МХАТа в Пальну.

Да, деревня летом — рай. Все в ней, как в раю. В поле цветы неземной красоты, душистые. Все жужжит, благоухает, все наполнено тонкой, нежной, русской сладостью земли. Кругом необозримые дали, пажити, луга. Синеют далекие-далекие полосы лесов. Небесный свод широк, высок. И все-все: каждая травка, каждый жучок — говорит на русском, теплом-теплом, родном-родном языке. А может, все это также чувствовал и Пушкин в мае 1829 года? И ему, как и ей, жизнь в Пальне казалась привольной, ласковой? И, наверное, ему также было уютно смотреть в окно особняка Стаховичей, затемненное душистой и сочной зеленью высоченных деревьев.

Вспоминала с блеском в глазах и улыбкой, словно это было несколько мгновений назад, как приставленная к ней хозяйевами дома служанка приносила по утрам большой серебряный поднос с маленьким серебряным самоварчиком, в котором был кофе. Она любила пить его горячим-прегорячим с настоящими сливками, своим домашним маслом и сдобными и еще горячими булочками. Так это было все по-русски, по-барски...

О, Боже! Какая у нее была жизнь! Теперь все изменилось: годы, люди, отношения, иностранцы, свои, чужие. Не жизнь, а салат какой-то. И не разберешь из чего, из кого. Вроде бы она стоит на мертвой точке своей эмигрантской жизни, потеряла в ней и аромат, и вкус, и смысл...

И опять в ее воображении вставал постамент и слова на нем: «Что было, то не будет вновь»...

...Она всю эмигрантскую жизнь старалась узнать у тех литераторов, артистов, людей «голубых дворянских кровей», которые также покинули Россию после Октябрьского переворота, хотя бы что-то о пропавшем перстне Пушкина. Что он когда-то принадлежал другим людям, ей даже и в голову не приходило. Может, и права была Мария Николаевна. Если бы не Александр Сергеевич, никто бы о том перстне никогда и не знал, а тем более вспоминал.

Но он загадочно исчез...

До конца своих дней о его злополучной судьбе она так ничего и не узнала. Не рассеялся густой туман неизвестности о той, почти вековой давности, пропаже и нам, современникам, в начале двадцать первого столетия.

Не долетела черная весть до Германовой и еще об одной загадке, связанной с именем ее любимого поэта...

6

...Исчез с постамента бронзовый бюст Пушкина. Потом и гранитный постамент постигла та же участь. Произошло это летом 1919 года.

В имении Стаховичей хозяйничала уже новая власть. Ушли в мир иной его законные владельцы. В феврале 1913 года умер Александр Александрович. В том же месяце только через шесть лет покончил жизнь самоубийством его сын — Алексей Александрович. Потому стать на защиту бюста, а точнее памяти о Великом Поэте, было некому...

Предшествовало тому событию решение крестьянского съезда Елецкого уезда «О защите революции». Согласно ему объявлялась мобилизация на фронт и укрытие от наступающего корпуса конницы генерала Мамонтова хлеба, скота, ценностей.

Руководство Елецкого уезда, местный комитет бедноты в Пальне-Михайловке (советская власть переименовала село Пальна именно так) додумались спрятать и бронзовый лик поэта. Им, наверное, дорог был не сам бюст, а несколько пудов чистой бронзы.

Существовало две версии того, куда исчез бюст. Одна — официальная комитета бедноты: активисты от большевиков аккуратно сняли его с постамента, обмотали мешковиной и сбросили в реку Пальна до лучших времен. Другая версия, о которой перешептывались селяне, отличалась от официальной. Председатель комитета бедноты с сыновьями убрал бюст с постамента и действительно обмотал его мешковиной, но в реку прятать не собирался. Куда он его схоронил — селяне не знали.

Ладно, бюст представлял историческую и материальную ценность, но вряд ли высоко образованный генерал Мамонтов надругался бы над изваянием того, кто являлся гордостью России. А уж даже вообразить, что он прихватил бы с собой еще и...гранитный постамент, вовсе нелепо. Но и камень угодил в укромное место, о котором знал только главный активист из комбеда.

Отряд корпуса Мамонтова побывал в Пальне в конце августа 1919 года. Но уже в

первых числах сентября под натиском бойцов Красной Армии он потерпел поражение и начал отступать в Южном направлении. В Пальне белогвардейцы успели расправиться с некоторыми активистами советской власти, угнали с собой породистых лошадей бывшего конного завода Стаховичей. Председатель комбеда с сыновьями где-то скрывался в те дни и появился в селе только после отступления мамонтовцев.

Но ни бюст, ни постамент на свое прежнее место не возвратились в том 1919 году. Почему?

Отвечать на вопрос тогда было не до этого, да и никто его и не задавал. Шла гражданская война. А в тридцатые годы в Пальне-Михайловке, как и по всей России, началась всеобщая коллективизация, раскулачивание крепких крестьян. Потом грянула Великая Отечественная война. Кому какое дело было до какого-то бюста, если в тяжелейших боях решалась судьба социалистической России...

...Но все же вспомнили о нем, когда Александру Сергеевичу исполнилось 150 лет со дня рождения, — в июне 1949 года.

Водолазы чуть ли не до сантиметра исследовали дно реки, где по официальным данным должен был находиться бронзовый лик поэта. Но ни бюста, ни постамента так и не нашли. И до нынешнего дня его местонахождения остается загадкой.

А, может, Пушкин еще тогда предвидел: «Что было, то не будет вновь»?..

7

...Но бюст Пушкина в Пальне-Михайловке все же... появился. Семья Стаховичей, а точнее, живущие за пределами России потомки Александра Ивановича и Надежды Михайловны, гостем которых был Великий Поэт, на свои средства заказали елецкому скульптору Н. Кравченко бюст Александра Сергеевича, который по архивным документам напоминал тот, сороковых годов девятнадцатого столетия.

В 2000 году его установили и торжественно открыли в присутствии представителей рода Стаховичей, но не в заросшем и неухоженном бывшем барском парке, которым любовался когда-то Пушкин, а у входа в Пальна-Михайловскую среднюю школу, и на постаменте выбиты не строчки из поэмы «Цыганы», а выгравировано: «Пушкину — Стаховичи».

Сегодняшним детям, жителям бывшей усадьбы Стаховичей Александр Сергеевич с постамента напоминает о себе, что он вновь пришел в край, где рос когда-то у лукоморья дуб зеленый, а люди чувствуют прелесть его неисчезнувшей тени, и их сердца бьются с волнением, потому что не все загадки, связанные с именем Пушкина, отгаданы. И будут ли отгаданы? Не случайно ведь он предрекал:

«Что было, то не будет вновь...»